

Маргарян Татьяна Дмитриевна

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С АВСТРАЛИЕЙ

В статье рассматриваются самые первые шаги установления российско-австралийских отношений и история их развития с первой половины XIX в. до начала XX в. Это беглый взгляд на события с исторической, политической, экономической и социальной точек зрения. В статье даётся анализ исторических обстоятельств, политических и экономических предпосылок установления межгосударственных отношений двух стран, дальнейшее их развитие в контексте мировых событий данного периода. При исследовании берутся во внимание письма первых российских мореплавателей, газетные статьи, официальные документы и другие научные труды в этой области.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/27.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. III. С. 101-105. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Ализаде Ф. А. Симфоническая музыка Азербайджана. Баку: Ширваннешр, 1989. 87 с.
2. Дмитриев Г. П. О драматургической выразительности оркестрового письма. М.: Совет. композитор, 1981. 176 с.
3. Ивашкин А. В. Фарадж Караев // Музыка в СССР. 1987. № 4. С. 18-19.
4. Карс А. История оркестровки. М.: Музыка, 1989. 304 с.
5. Кузуб Т. И. Процессы глобализации в современной музыкальной культуре // Известия Уральского Государственного университета. Культурология. 2006. № 47. С. 77-84.
6. Новичкова И. В. Тембро-сонорный параметр в музыке Эдисона Денисова: на примере оркестровых произведений композитора: автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2005. 26 с.
7. Оркестровые стили в русской музыке: сборник статей. Л.: Музыка, 1987. 206 с.
8. Савенко С. И. Послевоенный музыкальный авангард // Русская музыка и XX век / под ред. М. Арановского М.: Композитор, 1997. С. 407-432.
9. Скребкова-Филатова М. С. Фактура в музыке: художественные возможности, структура, функции. М.: Музыка, 1985. 285 с.
10. Теория современной композиции: учебное пособие для вузов. М., 2005. 623 с.
11. Холопова В. Н., Рестаньо Э. София Губайдуллина. М.: Композитор, 1996. 360 с.

ORCHESTRAL SCRIPT OF AZERBAIJAN COMPOSERS IN SYMPHONIC MUSIC OF THE 1960S-1980S

Arzu Raiz kyzy Mamedova, Associate Professor
Department of Composition
Baku Musical Academy named after U. Gadzhibeili, Azerbaijan
arzu.raiz@mail.ru

The article is devoted to the characteristic of the orchestral script of Azerbaijan composers at one of the most impressive and original stages of Azerbaijan music development. Underlining the processes of symphonic music updating in the 1960s-80s, orchestral technique complication, new phenomena and tendencies which distinctly affected the orchestral practice of Azerbaijan composers the author tries to understand their artistic-aesthetic value.

Key words and phrases: timbre; timbre-expressive means; orchestral thinking; orchestral texture; orchestral script technique; sound space; orchestral polyphony.

УДК 93/94

В статье рассматриваются самые первые шаги установления российско-австралийских отношений и история их развития с первой половины XIX в. до начала XX в. Это беглый взгляд на события с исторической, политической, экономической и социальной точек зрения. В статье даётся анализ исторических обстоятельств, политических и экономических предпосылок установления межгосударственных отношений двух стран, дальнейшее их развитие в контексте мировых событий данного периода. При исследовании берутся во внимание письма первых российских мореплавателей, газетные статьи, официальные документы и другие научные труды в этой области.

Ключевые слова и фразы: российско-австралийские отношения; российские мореплаватели; экспедиции; Н. Н. Миклухо-Маклай; Новый Южный Уэльс; губернатор Макоури; колонии переселенцев.

Татьяна Дмитриевна Маргарян

Кафедра «Английский язык для машиностроительных специальностей»
МГТУ им. Н. Э. Баумана
digitex2008@mail.ru

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С АВСТРАЛИЕЙ[©]

В наше бурное и быстротекущее время, когда происходят эпохальные изменения в политической и экономической жизни общества, мы все чаще подвергаем анализу не только нынешние события и современную историю, но и «дела давно минувших дней». Мы более пристально, чем прежде, когда мир был биполярен, и было очевидно, кто по какую сторону находится, следим за текущей ситуацией в мировых новостях и обращаемся к историческим фактам. Вопросы становления и развития отношений России с государствами в различных регионах мира представляют сегодня большой интерес для специалистов и обывателей.

История связей России и Австралии – актуальное направление исследований на протяжении последних лет. Научный и общественный интерес к этому вопросу выразился в ряде статей и книг.

История российско-австралийских отношений насчитывает чуть более двухсот лет. Однако первые известия о существовании пятого континента появились в России ещё в начале XVIII столетия после

публикации в 1705 г. рассказа об открытиях португальцев в Австралии в XVII в., вышедшего в новом издании книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария» [10, с. 32]. Данное издание было представлено в библиотеке Петра I [3, с. 161]. Чуть позже появились сообщения об этом континенте уже на русском языке [6, с. 102]. Именно учебники географии того времени служили для русских людей основным источником информации о новом континенте, а именно: «Всеобщее землеописание» И. Ф. Гакмана и И. Ф. Яковкина, «Новейшее повествовательное землеописание всех четырех частей света» [10, с. 33]. Огромный вклад в изучение Австралийского континента, безусловно, внёс Дж. Кук. Историк и переводчик Я. М. Свет в своей работе писал: «Географически Австралию открыл не Кук, но именно он открыл ... Австралию ... для европейской колонизации» [16, с. 171]. С 1779 г. по 1805 г. на русском языке вышла в свет целая серия изданий о трёх кругосветных экспедициях великого английского мореплавателя.

В то время российские морские суда также бороздили просторы океанов, осваивая новые земли. Царской России нужны были новые аванпосты, чтобы иметь преимущества в торговле перед Британией и Америкой.

Так, в 1803 г. была собрана очередная экспедиция под руководством И. Ф. Крузенштерна в регион Тихого океана. Иван Федорович возглавил командование кораблем «Надежда» и вместе с капитаном корабля «Нева» Лисянским, обогнув мыс Горн, вошел в воды Тихого океана в марте 1804 г. Экспедиция посетила Маркизские острова, Гавайи, Камчатку, Русскую Америку и Японию. Во время той экспедиции И. Ф. Крузенштерн не посетил Австралию, но была рассмотрена сама возможность такого посещения. Через своего посла, графа Воронцова, Российское правительство официально поставило в известность Британские власти о подготовке такой экспедиции [29, р. 18-19]. В своем письме в июне 1803 г. к губернатору Сиднея Кингу граф Гобарт попросил оказать радушный прием и предоставить все необходимое российским судам «Нева» и «Надежда» [19, р. 4]. В первой половине XIX века российские мореплаватели совершили тридцать восемь экспедиций, что значительно превысило число британских и французских экспедиций вместе взятых [27, р. 54].

Точкой отсчёта в российско-австралийских отношениях принято считать 16 июня 1807 года, когда в Порт-Джексон прибыл российский военный корабль «Нева» под командованием капитана Леонтия Андриановича Гагемейстера. Команда корабля встретила тёплый приём со стороны местных жителей и администрации Нового Южного Уэльса. С тех пор заходы российских судов в порты Австралии стали регулярными.

В 1814 г. корабль «Суворов» под командованием капитана Михаила Лазарева привёз в Австралию первые новости о победе над Наполеоном. В знак признательности и благодарности русским за их самоотверженность в этой борьбе и за добрые новости «Суворову» было позволено стать на якорную стоянку близ губернаторского дворца, где прежде стоянка иностранным судам была запрещена. По случаю победы в Сиднее был произведен салют, офицерам устроен торжественный официальный приём, а вечером – праздничное народное гулянье [8, с. 20].

В 1807 г. в Австралии были опубликованы заметки британского офицера Л. Макуори о его путешествии по России [27]. В них автор трогательно отзывался о людях и красотах России. По мнению исследователей, именно эти воспоминания имели непосредственное отношение к тому, что уже в свою бытность губернатором Нового Южного Уэльса (1810-1821) Макуори оказывал тёплый прием российским морякам [30, р. 21].

В 1820 г. Сидней посетили четыре корабля самой крупной морской экспедиции – «Восток», «Мирный», «Открытие», «Благонамеренный» под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена, М. П. Лазарева, М. Н. Васильева и Г. С. Шишмарева соответственно. Один из членов экспедиции, исследователь, астроном и ректор Казанского университета И. М. Симонов, в своем дневнике от 30 марта 1820 г. так описывал впечатления об Австралии: «Мы прибыли в город Порт-Джексон. Острова вокруг заселены дикарями, которые живут в чащах, как звери, и питаются орехами...» [17, с. 182].

Спустя два года, в 1822 г., Сидней посетила команда военной шлюпки «Аполлон», и в 1826 г. в журнале «Северный архив» один из членов экипажа, А. П. Шабельский, делился своими воспоминаниями о посещении Сиднея. Его восхитил Ботанический сад, здания казарм и конюшен. Он так же отмечал то гостеприимство, с которым здесь встречали иностранцев.

В период с 1807 г. по 1835 г. Австралию посетили семнадцать российских экспедиций. Каждый раз наших соотечественников тепло и радушно встречали на пятом континенте. В своих записках младший брат капитана М. П. Лазарева Алексей описывал дружественный прием губернатора Макуори и его светлые воспоминания о пребывании в России.

С середины 30-х до 60-х годов XIX века происходит определённое охлаждение в отношениях двух государств [21, р. 12]. Страх перед «русской угрозой» побудил австралийские власти к строительству береговых укреплений, хотя истинной причиной послужил инцидент с двумя американскими судами, которые в ноябре 1839 г. незамеченными вошли в залив Порт-Джексон [10, с. 172]. Сам факт того, что в порт можно зайти незамеченным, подтолкнул власти Южного Уэльса к строительству фортов.

Что же касается прямых контактов с Россией, то в этот период к берегам Австралии причалил лишь один корабль «Двина» для мелкого ремонта и отдыха матросов по пути на Камчатку [15, д. 2796, л. 59-59 об.], но и этот визит вызвал у местной администрации недоумение и подозрительность. Из воспоминаний капитана корабля П. Н. Бессарабского известно, что, несмотря на тёплый прием, многие местные начальники пытались выяснить «...по какому случаю и куда идя, могут заходить сюда русские суда...» [2].

Резкое ухудшение отношений произошло после начала Крымской войны, поскольку теперь Россия рассматривалась не как мнимый источник угрозы, а как опасный враг Британской империи. Такие настроения, безусловно, породили в колониях волну тревоги и паники [31, р. 141]. Печатные издания по-разному оценивали «русскую угрозу». Мельбурнская газета «Аргус» от 19.04.1854 писала, что «вторжение русских неминуемо», а статьи «Сидней морнинг геральд» оценивали такую угрозу как «вполне вероятную» [33]. Чтобы

защитить Сидней от нападения российского флота, в 1854 г. было возобновлено строительство форта в заливе Порт-Джексон и закончено в 1856 г. Форт был назван в честь губернатора Нового Южного Уэльса У. Денисона [25, р. 301]. Уже в 1854 г. в Австралии были предприняты первые попытки организовать вооруженные отряды волонтеров. В мае 1854 г. такой отряд был сформирован в Джилонге (Виктория). А к июлю того же года прошёл все стадии обсуждения и стал законом билль о корпусе волонтеров в Новом Южном Уэльсе [23, р. 279-280]. С 1855 г. в колониях начал свою деятельность Патриотический фонд. Основной задачей фонда был сбор средств для организации защиты Австралии. Жители Нового Южного Уэльса за девять месяцев собрали и внесли в фонд шестьдесят тысяч фунтов стерлингов, а жители Мельбурна – десять тысяч фунтов стерлингов [19], хотя на тот момент его население составляло чуть более 29 тысяч [22, р. 131]. В этот период в австралийской прессе началась антироссийская пропаганда и истерия. Австралийцам навязывался образ «мерзких» и ужасных русских, которые придут в Австралию, чтобы разрушить дома, сделать всех рабами [32]. Повсеместно звучали призывы дать отпор русскому императору – «самому жестокому властителю в мире» - и содействовать Англии в её борьбе за «сохранение конституционных свобод народов Европы» [34].

На целые полстолетия в австралийском общественном сознании укоренились подозрительность и недоверие к русским, а «русская угроза» стала главным внешнеполитическим ориентиром страны.

Эта угроза ощущалась в Австралии тем острее, чем больше воспринималась как угроза её экономическому процветанию [10, с. 76]. Открытие месторождения золота в Новом Южном Уэльсе и Виктории в 1851 г. оказало судьбоносное влияние на развитие экономики и всей дальнейшей истории пятого континента. Сотни золотоискателей и старателей отправились на поиски самородков и россыпей. Оказалось, что наиболее богатые залежи золота находятся в Виктории. Золотоносные месторождения привлекли внимание огромного количества людей, что привело к острой нехватке рабочей силы в других отраслях хозяйства. Но вместе с тем, в Австралию хлынул большой приток иммигрантов из других стран: население Австралии выросло от 400 тысяч в 1850 г. до 1 миллиона 146 тысяч в 1860 г. Австралия как государство со своей экономикой было основано именно в период 1860-1890 гг., «...это время было кузницей, в которой ковалась Австралия» [29, р. 420]. Стоимость золота, добытого в Виктории в 1851-1861 гг., сильно колебалась. Уровень 1852 г., составивший 81,5 млн. долл., впоследствии никогда больше не был достигнут, а в 1861 г. стоимость добытого золота составила всего 38 млн долл. [7, с. 180]. Благодаря разработке золотых рудников в окрестностях Мельбурна город интенсивно развивался, о чем писали в своих отчетах вице-адмирал Попов и старший помощник командира Линден, которые прибыли в Мельбурн 1 июня 1863 г. на сторожевом корабле «Богатырь». В этом отчете было также отмечено, что в местном музее представлены механизмы для добычи золота, разработанные сибирскими мастерами, и австралийцы умело ими пользовались. Но были и откровенно курьезные ситуации, описанные в донесении: «...большинство местного населения, англичане в основном, не знают, есть ли у нас своя литература, и являемся ли мы христианами...» [12, с. 36-37].

Визиты русских моряков к концу XIX века стали довольно редкими и носили церемониальный характер. Так, для участия в праздновании столетия основания Нового Южного Уэльса российское правительство направило в Сидней корвет «Рында» под командованием капитана первого ранга Авелана, который подробно описал данное событие в своем отчете [13, с. 4-6].

Вне всякого сомнения, ученым, чье имя, в первую очередь, связано со становлением российско-австралийских отношений и описанием континента, был Н. Н. Миклухо-Маклай, русский этнограф и антрополог. В Сиднее Николай Николаевич появился в июле 1878 года. В Австралии Миклухо-Маклай поселился надолго. Путешественника приютил сначала русский вице-консул Паули, а потом руководитель Австралийского музея и член верхней палаты штата Новый Южный Уэльс Вильям Маклейн, вместе с которым Миклухо-Маклай издал позже труд о хрящевых рыбах. Российский ученый был принят Маклейном в члены Линнеевского общества, организовал биостанцию и женился на дочери премьер-министра штата Джона Робертсона. Из Сиднея он предпринял ряд экспедиций вглубь страны и на острова. Когда Миклухо-Маклай ненадолго вернулся в Россию в 1882 году, он стал героем дня. Газеты и журналы сообщали о его приезде, излагали биографию, останавливались на эпизодах его путешествий, выражали восхищение его подвигами. Ученые общества Москвы и Петербурга устраивали заседания в его честь. Главным событием были его публичные выступления, собиравшие громадную по тем временам аудиторию [30, р. 40-51].

Николай Николаевич оставил шестнадцать записных книжек, шесть толстых тетрадей, планы, карты, собственные рисунки, газетные вырезки, журнальные статьи по этнографии и антропологии местных аборигенов, дневники разных лет [1, с. 271-272], которые гораздо позже были собраны в шеститомное собрание сочинений. Николай Николаевич был защитником темнокожего населения и идеологом заселения русскими южной части Тихого океана [11, с. 236].

Но Россия не имела каких-либо амбиций в этом регионе. И, тем не менее, связи между государствами становились более разносторонними. Начиная с 90-х годов XIX в., активно начали развиваться и торгово-экономические отношения между Россией и Австралией, этому способствовали объективные факторы развития двух стран.

К этому времени Россия, уже не только аграрная, но и индустриальная страна, стремилась расширить рынки сбыта своей продукции. Она все больше втягивалась в мировой рынок. Неуклонно возрастал объем внешней торговли. Попытки освоения азиатских рынков для массового сбыта российской промышленной продукции наталкивались на европейскую конкуренцию и оставались малоэффективными.

Австралия оказалась привлекательным рынком для многих стран, в том числе, и России. Об этом писала «Торгово-промышленная газета» в 1894 г.: «Неудивительно, что она (Австралия) становится излюбленным предметом коммерческих предприятий иностранных капиталистов» [18].

Во 2-й половине XIX в. в Австралии происходило развитие лёгкой, пищевой и горнодобывающей промышленности. Этому способствовал приток капиталов и квалифицированной рабочей силы (главным образом из Англии). Усилившаяся буржуазия Австралии стремилась к ликвидации существовавших между отдельными колониями таможенных перегородок и к созданию общеавстралийского рынка. Рос экспорт товаров. За десятилетие с 1891 г. по 1900 г. он составил 374 млн ф. ст., что почти в два раза превысило доход за период с 1861 г. по 1870 г. (190 млн ф. ст.) [24, с. 258-259]. Основными импортерами у Австралии были Британская империя, США, Франция, Германия, Китай [10, с. 383]. Но к концу XIX века австралийцы стали рассматривать возможность развития экономических отношений и с Россией. Этот вопрос обсуждался в торговых кругах обеих стран. «Существует возможность предпринять определенные усилия для того, чтобы расширить, или правильнее сказать, начать торговлю между Австралией и Россией. Есть основания полагать, что и Россия стремится к развитию торговых связей с Австралией», - писала в мае 1895 г. мельбурнская деловая газета [26].

Активно обсуждалась эта тема на страницах российских изданий накануне выставки в Хобарте в 1894 г. «Вестник финансов, промышленности и торговли» писал, что Австралия «...могла бы служить уже в настоящее время хорошим рынком сбыта для многих русских продуктов» [4]. Россия могла предложить кожу, мыло, свечи, яйца, спиртные напитки, керосин, технические масла. В качестве австралийского импорта Россию интересовали красители, которые ранее завозились через третьи страны [5]. Из этого можно заключить, что торгово-экономические отношения двух стран в тот период были взаимовыгодными.

Подъему экономики Австралии способствовал приток иммигрантов. В сравнении с другими странами иммиграция из России в Австралию в конце XIX в. выглядела незначительной: по переписи 1891 г. число россиян там составило 2881 чел. [9, с. 20]. Причины эмиграции везде были одинаковы: экономические трудности и политические разногласия между личностью и царским режимом. Большая часть российских иммигрантов была сосредоточена в юго-восточных штатах Австралии – Новом Южном Уэльсе и Виктории, что связано с их близостью к океану и путями проникновения на пятый материк. Более 60% эмигрантов направлялось в Австралию непосредственно из России, 15% попадало туда через Англию при посредничестве действовавших в Лондоне эмиграционных контор, 14% добиралось до пятого континента через Китай [30, р. 66]. Следует учесть, что Австралия всегда вела определенную иммиграционную политику, особенностями которой являлись субсидируемая иммиграция, то есть поощрение иммиграции исключительно с Британских островов, и политика «белой Австралии» – недопущение в страну «цветной» иммиграции. Эти факторы обусловили регулирование численного, профессионального, национального и расового состава иммиграции, создали искусственные ограничения свободным иммигрантам. Этим объясняются причины относительно слабой заселенности Австралии по сравнению с другими частями света и малочисленности небританских, в том числе и русских, иммигрантов. В 1891 г. только 5% населения Австралии было небританского происхождения, а число русских, выехавших в Австралию, составило менее 1% от общего числа эмигрантов [9, с. 17, 22]. Надо признать, что прибывшие новые поселенцы из России не все были этнические русские. Среди них можно было встретить финнов, выходцев из Прибалтики, евреев [30, р. 92]. К концу XIX в. россияне воспринимали Австралию как новое энергичное государство, построенное на принципах личной свободы и социальной справедливости.

Таким образом, подводя итоги, хотелось бы отметить, что на заре своего становления отношения между двумя странами носили дружественный, открытый характер как в политике, так и в торговле. Но, начиная со второй половины XIX в., отношения между Россией и Англией резко ухудшились, что отразилось и на характере отношений между Россией и Австралией. В переселенческих колониях Австралии укоренился страх перед русской угрозой, который перерос в откровенную русофобию, что послужило стимулом создания австралийских вооруженных сил. В дальнейшем это поспособствовало осознанию австралийцами себя как нации с собственными политическими интересами и внешнеполитическими целями. Военно-политическое присутствие России в XIX в. в северной части Тихого океана оказало воздействие на реалии австралийской истории через свое имплицитное присутствие в его южной части.

Список литературы

1. Ануцин Д. Н. Двадцатипятилетние со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая. Землеведение, 1913. Кн. 1-2. 300 с.
2. Бессарабский П. Н. Плавание военного транспорта «Двина» // Морской сборник. 1853. № 12. 676 с.
3. Библиотека Петра I: указатель-справочник / ред. Е. И. Боброва. Л.: 1978. 215 с.
4. Вестник финансов, промышленности и торговли. 1894. № 19.
5. Там же. № 37.
6. География или краткое земного круга описание. М., 1710. 106 с.
7. Говор Е. Библиография Австралии [Bibliography of Australia] (1710-1983). М.: Наука, 1985. 380 с.
8. Говор Е. Российские моряки и путешественники в Австралии. М.: Вост. лит., 2007. 380 с.
9. Каневская Г. И. История русской иммиграции в Австралии (конец XIX в. - вторая половина 80-х гг. XX в.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2009. 40 с.
10. Массов А. Я. Становление и развитие русско-австралийских связей (1807-1901): дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 1995. 480 с.
11. Миклухо-Маклай Н. Н. Собр. соч.: в 6-ти т. М., 1990. Т. 4. 472 с.
12. Морской сборник. 1863. Т. 68. № 9. Часть офиц. 54 с.
13. Там же. 1888. Т. 226. № 7.
14. Оболенский (Осинский) В. В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928. 138 с.
15. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 283. Оп. 1.
16. Свет Я. М. История открытия и исследования Австралии и Океании. М., 1966. 399 с.

17. Сементовский В. Н. Русские открытия в Антарктиде в 1819-1820-1821 годах. М.: Гос. изд-во географич. лит., 1951. 310 с.
18. Торгово-промышленная газета. 1894. 8 мая.
19. Argus. 1852. 24 February.
20. Barrat G. The Russian Navy and Australia to 1825. ML.: Hawthorn Press, 1979. 118 p.
21. Barrat G. The Russians and Australia. Vancouver, 1988. 338 p.
22. Castless A. Australia: a Chronology and Fact Book. NY.: Population statistics, 1978. 151 p.
23. Crowley F. A. Documentary History of Australia. 1841-1874. ML., 1980. 675 p.
24. Gullick W. A. Statistics: Six States of Australia and New Zealand. Sydney, 1901. 378 p.
25. Inglis K. S. The Australian Colonists: an Exploration of Social History. 1788-1870. ML., 1974. 316 p.
26. Journal of Commerce. 1895. 23 May.
27. Macquarie's Journal. ML: Mitchell Library, 1807. 771 p.
28. Massov A. Australian Slavonic and East European Studies (ASEES). 2008. Vol. 22. 83 p.
29. McMahan W. Minister of External Affairs from Australia 200: the Official Book of the New South Wales Celebration Commemorating the Bicentenary of Landing of J. Cook. Sydney, 1970. 428 p.
30. McNairy J. Russia and the Fifth Continent. Queensland, 1992. 292 p.
31. Stone I. R., Crampton R. J. A Disastrous Affair: the Franco-British Attack on Petropavlovsk, 1854. Polar Record, 1985. Vol. 22. 630 p.
32. Sydney Morning Herald. 1854. 13 April.
33. Ibidem. 6 May.
34. Ibidem. 23 May.

RUSSIAN EMPIRE AND AUSTRALIA RELATIONS FORMATION AND DEVELOPMENT

Tat'yana Dmitrievna Margaryan

*Department of English Language for Machine-Building Specialities
Moscow State Technical University named after N. E. Bauman
digitex2008@mail.ru*

The author considers the very first steps of the Russian-Australian relations establishment and the history of their development from the first half of the XIXth century up to the beginning of the XXth century. This is just a glance at the events from the historical, political, economic and social points of view. The analysis of the historical circumstances, the political and economic preconditions of the establishment of the interstate relations of two countries, their further development in the context of the world events of the period is presented in the article. While researching the author pays special attention to the letters of the first Russian seafarers, newspaper articles, official documents and other scientific proceedings in this sphere.

Key words and phrases: Russian-Australian relations; Russian seafarers; expeditions; N. N. Miklouho-Maclay; New South Wales; governor Macquarie; migrants' colonies.

УДК 27-9 (470.342)"16": 27-526.62

В статье анализируется деятельность вятских епископов по формированию Хлыновского Свято-Троицкого Кафедрального собора как духовного центра Вятской епархии. В работе прослеживаются этапы данной деятельности, начиная с создания епархии во второй половине XVII в. и заканчивая XVIII в., приводятся новые данные, выявленные в ходе исследования, уточняются общепринятые в исторической литературе даты и события.

Ключевые слова и фразы: Вятская и Великопермская епархия; Свято-Троицкий Кафедральный собор; епископы; местночтимые иконы; Великорецкий образ святителя Николая; Спас Нерукотворный; Тихвинская икона Богородицы; Куринский образ архистратига Михаила; общество.

Артем Владимирович Маркелов

Кафедра отечественной истории

Исторический факультет

Вятский государственный гуманитарный университет

avkimarkelov@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЯТСКИХ ЕПИСКОПОВ ПО СОЗДАНИЮ ХЛЫНОВСКОГО СВЯТО-ТРОИЦКОГО КАФЕДРАЛЬНОГО СОБОРА КАК ДУХОВНОГО ЦЕНТРА ВЯТСКОЙ ЕПАРХИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII-XVIII ВВ. ©

Вятская и Великопермская епархия была образована в октябре 1657 г. [14, с. 141] и стала одной из старейших российских епархий (на Соборе 1667 года в России их было всего 13) [21, с. 226]. В созданную епархию, помимо центральных исторических районов вятской земли (с городами Хлынов, Котельнич,